

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Компьютерный дизайн обложки

Екатерина Елькина

Михалкова, Елена Ивановна.

М69 Золушка и Дракон : [роман] / Елена Михалкова. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Идеальный детектив).

ISBN 978-5-17-115616-9

В respectable пансионате пропадает дочь постоялицы. Пропадает — и снова возвращается. И никто не может сказать, где была девушка и что с ней случилось. Кроме одного человека, который уже готовит новое преступление.

Состоятельный старик сыграл со своей семьей злую шутку. Кто — жертва, а кто — чудовище? Ответить на этот вопрос не так просто, ведь каждый шкаф хранит свои скелеты за плотно закрытыми дверями, и ни один из членов состоятельной семьи не горит желанием открывать их.

Сыщик Сергей Бабкин, вызванный в пансионат для расследования странного дела, понемногу разматывает запутанный клубок интриг и страстей. Ниточка приводит его к преступлению двадцатилетней давности. Сможет ли он остановить готовящееся убийство, когда расследование становится опасным для него самого?

Виртуозная ДЕТЕКТИВНАЯ ИНТРИГА, ЛЮБОВЬ и САМООТВЕРЖЕННОСТЬ, ДРУЖБА и ПРЕДАТЕЛЬСТВО, история Золушки, открывающаяся с неожиданной стороны — все это в романе Елены Михалковой «Золушка и Дракон».

Кто из них скрывается рядом?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115616-9

© Михалкова Е., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Скелеты в шкафу хороши лишь до тех пор, пока шкаф не открыли.

«От волос мальчиков пахнет воробьями» — так говорят все родители. Они никогда не добавляют, что от волос девочек пахнет цветочной пылью. Потому что это секрет. Никто не должен знать. Цветочной пылью, цветочной пылью... Повтори это тысячу раз, чтобы на губах у тебя стало сладко, а в носу защекотало.

Тени от свечей плясали на стенах, на белом теле девушки. Ровного дыхания почти не было слышно за монотонным бормотанием человека, замершего возле нее.

Стало сладко? Скажи. Скажи это вслух. Скажи это громко! А теперь наклонись к ней, вдохни аромат ее кожи, ее волос. Только не трогай! Их тела обжигают — не успеешь оглянуться, как все вокруг вспыхнет.

Веревка обхватывала запястья, не врезаясь в кожу. Отблеск свечи вспыхивал и затухал на отброшенном в сторону ноже, как сверкающий глаз, подглядывающий с серебристой поверхности за тем, что происходит в крохотной комнатке с грубо сколоченным столом посередине.

Надеть перчатки. Раздвинуть ей ноги, согнуть в коленях... Вот так. Так хорошо. Но не смотреть туда, не смотреть, не смотреть... Там темное, влажное, сочное, цвета бузиновых ягод, но нельзя, нельзя! Еще рано.

Бормотание сменилось завыванием, взгляд человека обратился к потолку. В зеркале, закрепленном наверху, все отражалось в истинном виде:

пылающий огненный круг, девушка в центре его — и фигура в длинной накидке. Дальняя свеча оплавилась и с шипением потухла, капли воска стекли на лиловые веточки вереска, перевязанные ниткой.

Знак, что пора начинать.

ГЛАВА 1

— Матильда! Матильда!

Сергей обернулся и посмотрел на длинноногую девчонку, которая носилась вокруг качелей, размахивая сачком.

— Матильда! — крикнула женщина еще громче, и девочка нехотя остановилась. — Не убегай далеко!

— Ладно, мам! — донеслось до них. — Я ту-у-уут!

Сергей вздохнул про себя и отпил из чашки теплый чай, пахнувший шишками. Последний раз он ел пять часов назад, и чувство голода проснулось еще в дороге. Бабкин пытался обмануть его двумя чашками чая, но фокус не прошел: в животе негодующе забурчало, забулькало, и он заерзал, покраснев. «Надо было захватить бутерброды».

На блюде перед ним кучей лежало бугристое овсяное печенье, и он взял одно, незаметно постучал им о край стола. Раздался сухой стук. Черникова обернулась, и Бабкин, устыдившись ребячества, тотчас накрыл зачерствевший кругляш ладонью.

— Думаете, я полоумная, а? — вдруг резко спросила женщина, вскинув на него черные глаза. — Нервная дамочка, свихнувшаяся на почве гиперопеки?

Широкоплечая, коренастая, очень основательная, Евгения Черникова меньше всего напоминала Сергею Бабкину нервную дамочку. При взгляде на нее в голову ему отчего-то навязчиво лезло слово «увесистая». Она была из тех людей, что крепко стоят на ногах и на кого земное тяготение действует, кажется, сильнее, чем на многих других: даже в юности они не способны витать в облаках, и в детстве им не снятся сны, в которых они летают.

— Нет, не считаю, — ответил Сергей, почти не покривив душой.

Он все еще не был уверен, что история, рассказанная ею, правдива. Но Илюшин просил его выяснить детали, а это означало, что его напарник поверил Черниковой. Или почти поверил.

— Вот и прекрасно. Потому что нам с вами еще работать вместе! — заявление женщины прозвучало категорично, как почти все, что она говорила.

— Возможно, — мягко согласился Бабкин.

Она окинула его пытливым взглядом, словно решая, можно ли ему довериться, и на лице ее явственно выразилось сомнение. Евгения Викторовна не давала себе особого труда скрывать чувства, и Сергей без усилий читал ее мысли. «Прислали мне черт знает кого вместо того, первого... А этот, похоже, не слишком сообразителен. Что хорошего от него можно ожидать?»

— А почему ваш коллега не приехал с вами? — осведомилась Черникова, в точности подтверждая своим вопросом предположения Бабкина.

— Евгения, мы с вами это уже обсуждали. Он сейчас занят и приедет, как только освободится. Но до этого времени мне нужно, чтобы вы как можно подробнее рассказали о том, что произошло. Со всеми деталями, какие только вспомните. Даже если они покажутся вам несущественными.

Женщина нахмурилась. Ей не хотелось ничего ему рассказывать, но выбора не оставалось.

Она снова взглянула на дочь, раскачивавшуюся на качелях. В лесу за ней показался мужской силуэт, замелькал в отдалении между соснами: кто-то быстрыми шагами шел к соседнему домику. Черникова приподнялась, бессознательно вцепившись пальцами в подлокотники, и на лице ее промелькнул неприкрытый страх. Человек скрылся за домом, и она тотчас облегченно опустила в кресло, сложила ру-

«А ведь она, пожалуй, не врет... — подумал Сергей, озадаченно наблюдавший за метаморфозами, происходившими с Черниковой. — Ей и впрямь страшно».

— У меня сын чуть младше Матильды, — неожиданно для самого себя сказал он. — Я прекрасно понимаю вашу тревогу. Если бы он пропал, не могу представить, что стало бы с женой.

Ее нахмуренное лицо разгладилось, немного смягчилось.

— Ей уже четырнадцать, понимаете? — негромко проговорила Черникова, не отрывая взгляда от девочки. — А она совсем еще ребенок. Дурочка, ей-богу! Видите, за бабочками гоняется? — Евгения невесело рассмеялась. — А я на нее смотрю и думаю: как у меня, эдакой... и вот эдакой... — она сделала неопределенный жест, обрисовав что-то квадратное в воздухе, — родился такой ангел?

Сергей покосился на растрепанную светловолосую девочку, что-то распевавшую на качелях. И в самом деле, ангел. Нежное, солнечное, будто бы невесомое создание с застенчивой улыбкой, ни единой чертой не напоминающее мать. Сама невинность. Но он был не слишком уверен в том, что разбирается в четырнадцатилетних девочках, и, кроме того, еще Набоков что-то там писал такое... неоднозначное. Из чего следовало, что юные девушки могут быть совсем не тем, чем кажутся, и умеют притворяться лучше иных взрослых.

Если говорить начистоту, вся эта история, рассказанная матерью и дочерью, представлялась более чем сомнительной. Точнее, ее трактовка. Сама-то история, как поначалу считал Сергей, была ясной: дом отдыха, в котором юная девушка фактически предоставлена самой себе, искушения в виде дискотек в ближайшем поселке, побег от строгой авторитарной матери и, наконец, логичное и неизбежное возвращение заблудшей дочери. Ах да, и, само собой, легенда! Сочиненная наспех для того, чтобы преобразовать материнский гнев в такой же силы материнский страх.

Людьми, которые боятся, всегда легче управлять, чем теми, кто гневается. Возможно, Матильда Черникова в свои четырнадцать лет знала об этом не хуже тридцатидевятилетнего Сергея Бабкина.

Логичную, саму собой напрашивающуюся теорию ее побега он придумал, когда ехал в пансионат, и в мыслях его сквозило раздражение на Илюшина, погнавшего его из Москвы к черту на кулички «для выяснения деталей». Но, понаблюдав за Черниковой и поговорив с ней, Бабкин потерял уверенность в своей правоте. И чем больше подробностей рассказывала ему женщина, тем мрачнее становился Сергей: простым побегом умеренно бунтующего подростка здесь, пожалуй, и не пахло.

Во-первых, девочка пропала утром и вернулась поздно вечером. Уже это рушило его гипотезу о том, что Матильда отплевывала всю ночь в поселковом клубе. Одиннадцатого августа она вышла из маленького коттеджа, который они снимали в пансионате «Рассвет», и отправилась на завтрак в главный корпус.

— Здесь очень много тропинок и дорожек, а лес светлый, и ходить не страшно, — объясняла Черникова. — Я не завтракаю, а Матильда вечно хочет есть, поэтому ходит без меня. Я легко отпускаю... отпускала ее, — поправила она, — потому что здесь безопасно. Мне так казалось.

Она бесцельно поправила крышку на чайнике хозяйственным, совсем не вяжущимся с ней жестом, передвинула тарелку с черствым овсяным печеньем, смахнула муравья, деловито пересекавшего стол....

И вдруг у нее вырвалось с приглушенным отчаянием:

— Поэтому мы сюда и приехали! Понимаете?! Это же, — она обвела рукой вокруг, — болото! Тишь, гладь, божья благодать. Никаких компаний, никаких подростков! Все спокойно! А нам больше ничего и не нужно... Вы понимаете?

Сергей понимал. Он понимал, что Матильда — единственный поздний ребенок и что мир

для Черниковой с каждым годом все больше полон опасностей, угрожающих ее дочери. Она замечает взгляды, которые взрослые мужчины бросают на Матильду, и ей хочется залепить им глаза, а девочку увести подальше, спрятать от этих отвратительных мужланов, которые смеют так смотреть на ее ребенка. Она слышит смех Матильды, и ей хочется кричать, что она совсем еще маленькая, совсем еще глупенькая девочка, не осознающая силы своего смеха.

Из года в год Черникова привозила дочь в дом отдыха «Рассвет», зная, что здесь их ждет спокойствие и тихий скучный отдых. Все было неизменно, все было привычно, и тем страшнее стал для нее удар.

— Что вы сделали, когда поняли, что Матильда пропала? — спросил Сергей.

— Вызвала милицию — раз, — не задумываясь, ответила Черникова. — Позвонила своим безопасникам — два. Приказала искать в лесу и озере — три. Да, и еще... — она замялась, — в поселок съездила. Думала, может быть, она там с подростками развлекается. Они собираются днем в одном месте на набережной.

— Какой еще набережной? — поразился Бабкин, двумя часами ранее проезжавший поселок и успевший бегло ознакомиться с его географией.

— А! — она пренебрежительно махнула рукой. — Это их пешеходная улица. Лавры Нью-Васюков не дают покоя, вот местные и выдумали, что у них, как во всех приличных населенных пунктах, должна быть своя набережная. Иначе несолидно. И прочие улицы заодно переименовали. Площадь Евросоюза у них теперь есть. Не проезжали через такую? Где сквер с памятником?

— Проезжал, — кивнул Бабкин. — Там я у поселковых хануриков дорогу спрашивал.

— Ну вот. Значит, видели площадь Евросоюза. Но когда я приехала, Матильды с местной бандой не было. Тогда я возвратилась сюда, здесь как раз прочесывали озеро. Спасибо заведующей, она дала людей. Ходили с баграми, на лодке плавали...

Она судорожно вздохнула, но взяла себя в руки и продолжила:

— Потом стемнело, и поиски решили отложить до следующего дня. А в десять Матильда пришла сама.

Сергей быстро записывал, представляя картину происходящего. Итак, девочка убежала на завтрак и не вернулась. Сперва Черникова подумала, что дочь задержалась в главном корпусе. Когда после завтрака прошел час, а Матильда не появилась, она дошла до столовой, заглянула в бильярдную, прошла по этажам, заглядывая в приоткрытые двери. Она уже начала удивляться, но еще не встревожилась. В конце концов, рядом озеро и пруд, день жаркий, дочь могла захотеть искупаться.

Но возле озера Матильды не было. Другие отдыхающие сказали женщине, что девочка не прибегала с утра на пляж.

Черникова побледнела. Она быстрым шагом вернулась в свой коттедж в надежде, что они где-то разминулись с дочерью. Внутри дома все осталось так же, как было, когда она ушла. Матильда не приходила.

Женщина обежала весь лагерь, расспрашивая встречающих, но Матильду никто не видел.

И тогда ее охватила паника. Больше часа она металась по лесу вокруг «Рассвета» и звала дочь, пока, наконец, охрипнув, не пришла в себя. Тогда-то женщина и позвонила в службу безопасности своей фирмы, написала заявление в ближайшем отделе милиции и упросила заведующую пансионатом помочь в поисках.

Конечно, никто не отнесся к ее просьбам и страху всерьез. Все знают, на что способны подростки в таком возрасте. «Да вернется она к утру», — лениво пообещали Черниковой в отделении и, как ни странно, почти угадали. Матильда вернулась раньше.

— Она просто постучала в дверь, — сказала Евгения, подливая Бабкину остывший чай. — Я открываю — стоит! Улыбается как ни в чем не бывало, а глаза какие-то странные, сонные. И за

косяк держится. Я ее спрашиваю: «Ты где была?!» А она мне: «Заблудилась...»

Затащив дочь в дом, Черникова приступила к допросу. Но Матильда смогла рассказать лишь, что утром, после завтрака, решила немного прогуляться по лесу — и заблудилась. Некоторое время ходила кругами, затем устала и заснула, а проснулась только вечером и каким-то удивительным образом, точно по наитию, вышла к «Рассвету».

— Вы пытались узнать подробности? — спросил Сергей, выслушав это.

Черникова раздраженно всплеснула руками:

— Боже мой, ну конечно! Я расспрашивала ее без конца, пыталась поймать на вранье.

— И что же?

— Она твердит одно и то же: пошла погулять в лес, заблудилась, уснула-проснулась-вернулась. Только вот говорит об этом как-то неуверенно. Лицо у нее и впрямь было опухшее, сонное. И я ей верю. Но вы же понимаете, самое главное — не это!

Черникова ушла в дом и вскоре вернулась с бланками медицинского заключения.

— Ваш друг, наверное, сказал вам об этом? — она положила листы перед Сергеем. — Я сразу же, на следующее утро повезла Матильду в Москву, на осмотр к знакомому врачу. Нужно ведь было удостовериться, что не было изнасилования или половых актов.

Евгения даже не стала понижать голос, и Бабкин сперва почувствовал неловкость, а затем испытал к девушке приступ сочувствия.

— Ничего! — продолжала Евгения, ожесточенно прибивая ладонью заключение к столу. И подтвердила, будто вколачивая бумажные листы в доски: — Ни-че-го!

— Вы так говорите, словно вас это разочаровало, — не удержался Сергей.

— Не болтайте глупостей! — резко оборвала его Черникова. — Я должна была убедиться,

что с Матильдой все в порядке, и я в этом убедилась. Если бы ваша дочь начала нести бред о том, что она заблудилась в лесу и весь день проспала под сосной, вы бы и не то проверили.

— Почему же бред?

— Да потому, что я искала ее в лесу, и никого там не было!

— Лес большой...

— Потому что моя дочь не могла бы заснуть, лежа на земле!

— Я слышал, организм подростков...

— Господи, да вот почему! Возьмите, читайте! — Она буквально сунула Сергею под нос верхний бланк.

Он начал читать, продираясь через заросли громоздких медицинских формулировок. Ему не сразу удалось вникнуть в смысл заключения, но когда Бабкин наконец разобрался, то не удержался и негромко присвистнул.

— Вот именно, — сардонически сказала в ответ Черникова. — Вот именно «фью-ить».

Сергей перечитал заключение еще раз, стараясь ничего не упустить. Но вывод получался однозначный: в крови Матильды Черниковой найдены остатки вещества, по своему составу сходного с опиуматами. Результатом воздействия большой дозы этого вещества является продолжительный сон, близкий к бессознательному состоянию, после которого человек не помнит событий, предшествовавших приему средства, и легко подвержен внушению. «Вероятна частичная амнезия с последующим замещением утраченных воспоминаний навязанными извне», — прочел Сергей.

— Анализ делали три дня, я получила его позавчера, — добавила Черникова.

— Вы уверены, что врачу можно доверять?

— Трем врачам, — поправила она. — Да, можно.

Это солидный медицинский центр, у меня нет оснований им не верить.

Сергей немного поразмыслил.

— Получается, — медленно начал он, по привычке подытоживая собственные мысли, — что ваша дочь ушла утром, затем при каких-то обстоятельствах выпила это средство... Кстати, она его выпила? Или вколола? Как его принимают?

— Разумеется, не вколола! — оскорбилась Черникова. — Она даже вида шприца боится! Врачи говорят, выпила.

— Значит, выпила — и уснула. Затем проснулась в лесу и пошла домой, не помня, что с ней случилось. Где одежда, в которой она была? Обувь?

— Я уже все отправила на экспертизу. В частном порядке.

Сергей уважительно посмотрел на нее.

Матильда забежала на веранду, остановилась у приоткрытой двери, стряхивая с волос длинные сосновые хвоинки.

— Мам, я в дом пойду. А вы со мной будете разговаривать? — простодушно обратилась она к Бабкину. — О том дне, когда я уснула, правда? Вы врач?

— Да, мне бы хотелось с тобой поговорить, — кивнул Сергей, обойдя вопрос о своей профессиональной принадлежности. — Минут через десять, хорошо?

— Конечно!

Черникова встала и плотно прикрыла за дочерью дверь.

— Итак, чего я от вас жду... — вполголоса произнесла она, тотчас возвращаясь к делу. — Кто-то использовал мою дочь в своих целях, и я хочу знать, кто и в каких именно. Мне нужно будет вернуться в Москву через неделю. Эту неделю я собираюсь прожить здесь как ни в чем не бывало. Может быть, мне и самой удастся что-нибудь выяснить... В одном я уверена: здесь есть человек, который точно знает, что случилось с Матильдой.

Сергей обдумал ее слова, прикинул вероятность случайности, при которой девушка могла

выпить такое сильнодействующее средство... Вероятность получалась крайне низкой.

— Я уже все продумала, — между тем говорила женщина. — Вас поселят с соседнем коттедже, оттуда только что уехали два старичка. Станете жить под видом отдыхающего, я вас со всеми познакомлю, скажу, что вы мой сотрудник. Так вам будет легче узнать, кто сделал это с Матильдой.

Евгения Черникова наклонилась к нему, и глаза ее недобро сверкнули:

— Я хочу знать, *что именно* ее заставили забыть.

Сергея поселили поразительно быстро. Энергичность и напористость Черниковой сделали свое дело: спустя двадцать минут после окончания разговора с Матильдой (девочка подтвердила все, что сказала мать, не добавив ничего нового) Бабкину уже вручили ключи и дали свернутый вчетверо бумажный лист, оказавшийся планом пансионата. Стоило Серею развернуть план, как взгляд его упал на схематичное изображение ложки и вилки..

— Столовая сейчас открыта? — спросил он заведующую, красивую статную женщину лет тридцати шести.

— Обед у нас начинается в два, но вас накормят, — улыбнулась та. — Когда выйдете, сверните направо — и до конца.

«Котлеты, — мечтал Сергей, шагая по коридору первого этажа. — Макароны с сыром. Суп!» В конце коридора маячила белая дверь, а за ней, он знал, его наконец-то ждет еда. Сосредоточиться на предстоящем расследовании Бабкин не мог: ему представлялось блюдо с молодой отварной картошкой, по которой сверху сонно растекается сливочное масло. Поблескивающая селедка на подушке из белоснежных луковых колечек. Тарелка с борщом, в которой триумфально возвышается кусок — нет, пускай

14 будет ломоть! — ломоть вареного мяса.

Сергей нервно сглотнул слюну. Да, вареного мяса! И побольше.

Повариха Марья Федоровна обернулась на скрип открывающейся двери и увидела высокого широкоплечего мужчину в джинсах и черном свитере, коротко остриженного, с глубоко посаженными глазами, пронизательный взгляд которых контрастировал с общим простоватым обликом. «Московский, что ли? Здоровый какой... — с удовольствием оценила она. — И не жарко ему?»

В окна столовой било солнце, словно желая своими лучами опрокинуть стеклянные граненые стаканы, стоящие на каждом столе. По стенам суетливо мельтешили солнечные зайчики. Вошедший прищурился, заметил Марью Федоровну и шагнул к ней, явно обрадовавшись:

— Здравствуйте! Хозяюшка, можно пообедать у вас? Ольга Романовна сказала, разрешается...

— День добрый! Почему же нельзя? Можно! Присаживайтесь! — Повариха гостеприимно обвела красной ладонью столы. — Сейчас принесу сегодняшнее, оно уж готово, наверное.

Сергей выбрал столик в углу и стал ждать, пока ему принесут поесть. Несколько неожиданным оказалось для него почти полное отсутствие запахов, свойственных любой столовой, будь то столовая в школе или в доме отдыха, но он решил, что дело в хорошей изоляции кухни. «Вытяжки... Открытые окна...» Он ностальгически провел пальцами по граням стакана, и тут перед ним поставили тарелку.

— Угощайтесь, — добродушно предложила женщина. — У нас сегодня рыбный день.

Бабкин опустил глаза, и улыбка предвкушения исчезла с его лица. На тарелке лежали отварные стебли фасоли, похожие на нарезанный кусачками зеленый провод, а из-под них стыдливо выглядывал небольшой белый ромбик, в котором Сергей опознал рыбное филе.